

Андрей Белый

Северная симфония

Андрей Белый
Северная симфония
Серия «Симфонии», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3119895

Аннотация

«Большая луна плыла вдоль разорванных облак.

То здесь, то там подымались возвышения, поросшие молодыми березками.

Виднелись лысые холмы, усеянные пнями.

Иногда попадались сосны, прижимавшиеся друг к другу в одинокой кучке...»

Содержание

Вступление	4
Первая часть	8
Вторая часть	28
Третья часть	50
Четвертая часть	71

Андрей Белый

Северная симфония

(1-я, героическая)

Посвящаю Эдвардсу Григу

Вступление

Большая луна плыла вдоль разорванных облак.

То здесь, то там подымались возвышения, поросшие молодыми березками.

Виднелись лысые холмы, усеянные пнями.

Иногда попадались сосны, прижимавшиеся друг к другу в одинокой кучке.

Дул крепкий ветер, и деревья махали длинными ветками.

Я сидел у ручья и говорил дребезжащим голосом:

«Как?.. Еще живо?.. Еще не уснуло?»

«Усни, усни... О, разорванное сердце!»

И мне в ответ раздавался насмешливый хохот: «Усни... Ха, ха... Усни... Ха, ха, ха...»

Это был грохот великана. Над ручьем я увидел его огромную тень...

И когда я в испуге поднял глаза к шумящим, мятежным

вершинам, из сосновых вершин глядел на меня глаз великана.

Я сидел у ручья и говорил дребезжащим голосом:

«Долго ли, долго ли колоть дрова?.. И косить траву?»

И мне в ответ раздался насмешливый хохот: «Ха, ха... Косить траву?.. Ха, ха, ха...»

Это был грохот великана. Над ручьем стояла его огромная тень...

И когда я в испуге поднял глаза к шумящим вершинам, меж сосновых вершин кривилось лицо великана...

Великан скалил белые зубы и хохотал, хохотал до упаду...

Тогда я весь согнулся и говорил дребезжащим голосом: «О я, молодой глупец, сыч и разбитая шарманка...

«Разве сломленная трость может быть годна для чего иного, кроме растопки печей?»

«О ты, туманное безвременье!»

...Но тут выпрыгнул из чащи мой сосновый знакомец, великан. Подбоченясь, он глумился надо мной...

Свистал в кулак и щелкал пальцами перед моим глупым носом.

И я наскоро собрал свою убогую собственность. Пошел отсюда прочь...

Большая луна плыла вдоль разорванных облак...

Мне показалось, что эта ночь продолжается века и что впереди лежат тысячелетия...

Многое мне мерещилось. О многом я впервые узнал...

Впереди передо мной на туманном горизонте угрюмый гигант играл с синими тучами.

Он подымал синий комок тучи, мерцающий серебряными громами.

Он напрягал свои мускулы и рычал, точно зверь...

Его безумные очи слепила серебряная молния.

Бледнокаменное лицо полыхало и мерцало от внезапных вспышек и взрывов...

Так он подымал клочки синих туч, укрывшихся у его ног...

Так он рвал и разбрасывал вокруг себя тучи, и уста мои слагали грозные песни...

И видя усилие титана, я бессмысленно ревел.

Но вот он поднял на могучие плечи всю синюю тучу и пошел с синей тучей вдоль широкого горизонта...

Но вот надорвался и рухнул угрюмый титан, и бледнокаменное лицо его, полыхающее в молниях, в последний раз показалось в разрыве туч...

Больше я ничего не узнал о рухнувшем гиганте... Его раздавили синие тучи...

И когда я плакал и рыдал о раздавленном гиганте, утирая кулаками слезы, мне шептали ветреной ночью: «Это сны... Только сны...»

...«Только сны»...

Сокрушенный, я чувал, как дух безвременья собирался запеть свои гнусные песни, хороня непокорного гиганта.

Собирался, но не собрался, а застыл в старческом бессилии...

...И вот наконец я услышал словно лошадиный ход...

Кто-то мчался на меня с далекого холма, попирая копытами бедную землю.

С удивленьем я узнал, что летел на меня кентавр Буцентавр... держал над головой растопыренные руки... улыбался молниевой улыбкой... чуть-чуть страшной.

Его вороное тело попирало уставшую землю, обмахиваясь хвостом.

Глубоким лирным голосом кентавр кричал мне, что с холма увидел розовое небо...

...Что оттуда виден рассвет...

Так кричал мне кентавр Буцентавр лирным голосом, промчавшись, как вихрь, мимо меня.

...И понесся вдаль безумный кентавр, крича, что он с холма видел розовое небо...

...Что оттуда виден рассвет...

Первая часть

Весеннею ночью умирал старый король. Молодой сын склонился над старым.

Нехорошим огнем блистала корона на старых кудрях.

Освещенный красным огнем очага, заговорил король беспросветною ночью: «Сын мой, отвори окно той, что стучится ко мне. Дай подышать мне весною!»

«Весною...»

Ветер ворвался в окно, и с ветром влетело что-то, крутя занавеской.

Одинокий прохожий услышал, как умирали в окне старого замка. И были такие слова из окна: «Еще порыв, и я улечу... Будешь ты славен и могуч, о сын мой!»

«Ты выстрой башню и призови к вершинам народ мой... Веди их к вершинам, но не покинь их... Лучше пади вместе с ними, о, сын мой!»

Перестала колыхаться занавеска в готическом окне замка: вся поникла.

И не знал прохожий, что было, но понял, что – ночь.

Беспросветная ночь...

Стаи северных богатырей собирались к древнему трону, а у трона король молодой говорил новые речи, обнимая красавицу королеву, юную жену свою.

Зубцы его короны и красная мантия сверкали, когда он встряхивал вороными кудрями – весь исполненный песни.

Он говорил о вершинах, где вечное солнце, где орел отвечает громам.

Приглашал встать над пропастями.

Он говорил, что туманы должны скрыться, сожженные солнцем, и что ночь – заблуждение.

Огненным пятном горели одежды королевские пред треном, а кругом стояла гробовая тишина.

Хмурились воины, потому что он говорил о сумраке рыцарям сумрака, и только юная королева восторженно слушала эти песни.

Солнце село. В готические окна ворвался багрово-красный луч и пал на короля. И казался молодой король окровавленным.

В ужасе королева отшатнулась от супруга своего.

Усмехались седые фанатики, сверкающие латами по стенам, радуясь желанному наваждению.

Из открытых дверей потянулись вечерние тени, и стая северных богатырей окунулась в тень.

И сквозь тень выступали лишь пасмурные лица закованных в сталь фанатиков, искаженные насмешливой улыбкой.

А кругом была тишина.

Поник головою король. Черные кудри пали на мраморный лоб.

Слушал тишину.

Испугался. Забыл слова покойника. Убежал с королевой из этих стран.

Они бежали в северных полях. Их окачивало лунным светом.

Луна стояла над кучкой чахлах, северных берез. Они вздохнули в безысходных пустотах.

Королева плакала.

Слезы ее, как жемчуг, катились по бледным щекам.

Катились по бледным щекам.

И тоска окутала спящий город своим черным пологом. И небо одиноко стыло над спящим городом.

Туманная меланхолия неизменно накреньяла деревья, Стояли деревья наклоненные.

А на улицах бродили одни тени, да и то лишь весною.

Лишь весною.

Иногда покажется на пороге дома утомленный долгим сном и печально слушает поступь ночи.

И дворы, и сады пустовали с наклоненными деревьями и с зелеными озерами, где волны омывали мрамор лестниц.

Иногда кто-то, грустный, всплывал на поверхность воды. Мерно плавал, рассекая мокрой сединой водную сырость.

На мраморе террасы была скорбь в своих воздушно-черных ризах и неизменно бледным лицом.

К ее ногам прижимался черный лебедь, лебедь печали, грустно покрикивая в тишину, ластясь.

Отовсюду падали ночные тени.

Почивший король приподнял мраморную крышку гробницы и вышел на лунный свет.

Сидел на гробнице в красной одежде, отороченной золотом и в зубчатой короне.

Увидел грусть, разлитую по городу, и лицо его потемнело от огорчения.

Он понял, что его сын бросил эту страну.

И он пригрозил убежавшему сыну мертвой рукой и долго сидел на гробнице, подперев усталой рукой старую голову.

А молодой король с королевой бежал в одиноких полях. Их качивало лунным светом.

Луна стояла над кучкой чахлах, северных берез, и они вздохнули в безысходных пустотах.

Король плакал.

Слезы его, как жемчуг, катились по бледным щекам.

Катились по бледным щекам.

Наконец, они углубились в леса и много дней бежали между деревьев. Стволистая даль темнела синевой. Между стволов ковылял козлоногий лесник, пропадая где-то сбоку.

Еще водились козлоногие в лесу.

Но они не смущались, и когда нашли лесную поляну с одинокой мраморной башней на ней, то начали взбираться на вершину великой мраморной башни.

Много веков в этих странах тянулись к вершинам, но король с королевой впервые всходили к вершине мраморной башни.

Утро смотрело на них хмурым взором, когда они поднимались по витой беломраморной лестнице, заглядывая в боковые окна.

Да леса качались, да леса шумели. Леса шумели.

Шумели,

Еще не было зари, но мерцал бледный, утренний свет. Что-то свежее звучало в реве деревьев, что, прошумев, вздрагивали и застывали в печалях.

Король с королевой были уже над лесами: открывалась даль стонущих сосен и лесных, холмистых полей в тумане.

Вон там, на горбатой поляне, одинокая сосна, обуреваемая ветром, беззвучно кивала вдаль.

Свободная птица, пролетая сбоку, приветствовала их на высоте резким возгласом.

Встали туманы, пригретые лаской. Башня выходила из розовой мглы. На вершине ее была терраса с причудливыми, мраморными перилами.

На вершине король в красной мантии простирал руки востоку.

Королева улыбалась.

Алмазные слезы капали из пролетающей тучи. Низкое темное облако прошло на туманный запад.

А прямо была лазурь свободная и бледно-голубая,

В тот час родилась королевна. Пала красная мантия на мрамор перил. Король, весь в белом шелку, весь в утренних, алмазных искрах, молился над ребенком своим.

И навстречу молитве сияла голубая бесконечность, голубая чистота восходящей жизни.

Король пел над ребенком своим. Он с каждым аккордом срывал со струн розу.

И день проходил. Стая лебедей потянула на далекий север. Звезды – гвозди золотые – вонзались в сапфировую синь,

С песней уснул король над ребенком своим. Уснула и мать над ребенком своим.

Они были одни, одни во всем мире.

Вечность строгою птицею летала во мраке ночном.

Королевна росла на вершине.

Бывало, мать, вся в шелку, говорит ей чудесные слова, отец молится на заре.

А вдали летят белые лебеди, окруженные синею, и она следит, как исчезают они в мимолетном облачке, как кричат в белоснежном облачке.

И она склоняет голову на плечо к матери. Закрывая синие очи, слушает песни отца.

Отец срывает со струн розу за розой... Алые, белые – летят они вниз, освещенные легкой зарею.

Жемчужные слезы капают из пролетающей тучки, а деревья шумят в тумане на заре.

И маленькой королевне кажется, что она получает невозможное, и она подпевает королю-отцу.

В голосе ее – вздох прощенных после бури, а в изгибе рта – память о далеком горе: точно кто-то всю жизнь горевал, прося невозможного, и на заре получил невозможное и, успокоенный, плакал в последний раз.

Но раз вплелась печаль в песни отца, в песни короля. И только белые цветы, белые и смертельно бледные, слетали со струн.

И король поник и сидел без кровинки в лице.

Точно он, король, почуял лёт бесшумного темного лебедя из родимых стран. Звали темного лебедя лебедем печалей.

Так жили они на вершине башни, упиваясь высотой в своем одиноком царстве.

Серебро блеснуло в кудрях у короля. Морщины борозди-

ли лицо матери.

За летом наступала осень. Темные тучи отражались в реке, блиставшей свинцовыми полосами.

Одинокая сосна плыла вдаль опущенной вершиной. Серый туман заволакивал вершины деревьев.

Уходили жить под террасу в изразцовую комнату. Изредка прогуливались вдоль террасы.

Королевна выходила в теплом одеянии, отороченном горностаем. Почтенный король прятал свои руки в рукава от стужи.

Он любил топтаться на месте, согреваясь. Его нос становился красным. Оглядывая окрестности, он говаривал королевне: «Скоро выпадет снег».

Пролетали и каркали вороны.

Надвигалось ненастье. Мать сиживала у окна в изразцовой комнате. Не смела выйти на осенний холод – вся седая, вся строгая, вся покорная судьбе.

Отец поговорит о минувшем горе. Голову склонит. Стоит опечаленный.

Тогда прилетал лебедь темный и садился на перила террасы.

Королевна боялась лебеда темного. Звали лебеда лебедем печален.

А потом проливались ливни. Стояла сырость. Приходила северная зима. Блестала по ночам у горизонта полярным сиянием.

Над лесными вершинами пролетал ветер, Ревун, сжимая сердце смутным предчувствием.

Было тепло и уютно в изразцовой комнатке. Была изразцовая комнатка с очагом, тихо пылавшим, с мехами по стенам, с парчовыми и бархатными лавками.

Здесь, прижавшись друг к другу, коротали зиму.

А над головою словно ходили... Раздавались шаги на террасе. Словно отдыхал один из холодных летунов замороженного полюса.

А потом вновь летун срывался, продолжая хаотическую бредню.

В изразцовой комнатке слушали выюгу и не жаловались. Только в окошке стоял плач, потому что оттуда била тусклая мгла и там мелькали бледные вихри.

Молодая девушка дремала на коленях державной матери. Отец, сняв свою красную одежду и оставшись в белом шелку и в короне, безропотно штопал дыры на красной одежде и обшивал ее золотом.

Раз в год ночь зажигалась огнями: невидимые силы возжигали иллюминацию. Сквозь морозные узоры из окна рвался странный свет. Всюду ложились отсветы и огненные знаки.

Король подходил к королевне в своей заштопанной одежде, обшитой золотом. Трепал по плечу. Говорил, сдерживая улыбку: «Это рождественская ночь...»

Иногда в окнах пропадали морозные узоры. Чистая ночь смотрела в окно.

В глубине ночи – в небесах – горели и теплились иные, далекие миры.

Приникнув к окошку, все втроем любовались небом, вели речь о лучшем мире.

А потом начинались первые весенние приветы.

Так проходил год за годом.

А в далеких северных полях одиноко торчал сонный город, повитый грустью.

Почивший король все сидел на гробнице, поджидая убежавшего сына. Шли года, а сын не возвращался.

Тогда мертвец сжал в руке своей жезл и гордо пошел к одинокому дворцу, возвращался обратно, влача за собой пурпур мантии.

Вот уже он всходил по мраморной лестнице, над которой повисло странное облако. Вот он уже входил в тронную залу. На тяжелом троне восседал Мрак, повелитель этой страны.

И старик сел на трон и призвал черного лебедя. И говорил лебедю своим глухим, холодным голосом: «Лети к мое-

му неверному сыну и зови его сюда... Здесь погибают в его отсутствии.

«Скажи ему, что я сам встал из гроба и сел на трон в ожидании его»...

Лебедь вылетел в открытое окно. Взвился над царским садом. Задел наклоненное дерево... И дерево вздрогнуло и, вздрогнув, опять уснуло.

Светало. В готические окна пал красный луч. Со стен равнодушно взирали изображения пасмурных рыцарей.

На троне сидел мертвый владыка, поникший и столетний, заалевший с рассветом.

Весенней ночью король с королевой сидели на вершине башни в зубчатых коронах и красных, заштопанных мантиях.

Королевна стояла у перил, вдыхая весну. Она была красавица севера с синими глазами и с грустной улыбкой, таящей воспоминания.

Король запел свои песни старческим голосом, пытаясь проводить дрожащими пальцами по струнам лютни.

Со струн сорвался только один цветок, да и тот был бледен, как смерть.

И король поник.

На зубцы короны сыпался вечерний блеск. Они горели, будто вспыхнувший венок алых маков.

Запахнувшись в свой пурпур и увенчанный маками, чуял он бесшумный лет птицы из родимых стран.

А в небесах летал черный лебедь и манил за собою короля. Он пел о покинутом народе и звал на далекую родину... От этого зова деревья, колыхаемые, уплывали вдаль сонными вершинами.

Король сидел со стиснутыми губами. Черная тень его распласталась на мраморе террасы. Уже месяц – белый меланхолик – печально зиял в вышине.

И вот он встал. Простирал руки окрестностям. Он прощался. Уходил на родину.

Говорил жене и дочери: «Возлюбленные мои; зовут из туманной дали...

«Мой народ зовет... Мой народ в темноте, в убожестве...
Зовет.

«Скоро приду... Скоро увижусь с вами... Приведу народ из туманной дали...

«Не горюйте, о, возлюбленные мои!»

И король стал спускаться в низины по витой, беломраморной лестнице, и королева простирала ему свои тонкие, белые руки, прощаясь с отцом, но ее удерживала мать; слезы текли из глаз державной матери, застывали в морщинах.

И сам король закрывал морщинистое лицо свое красным рукавом. Он не раз останавливался на витой лестнице.

Заглядывал в башенные оконца. Видел черного лебедя, распластанного в небе. И не смел вернуться.

Спускался все нгоке. Закрывалась даль стонущих изогнутых сосен.

Что-то шумело кругом свежим ревом. Когда оно отходило вдаль, деревья будто прислушивались к уходящим порывам.

Скоро увидели короля внизу, внизу на лесной поляне. Он казался совсем маленьким.

Он махнул рукою и что-то кричал. Ветер отнес в сторону его слова. Он ушел в лесную глушь.

Восточная туча, всю ночь залегавшая на горизонте, вспыхнула утренним огонечком. Королева утешилась.

Низкое темное облако прошло на туманный запад; оттуда перестали капать алмазные слезы.

Утешенная королева напевала, хлопая в ладоши: «Еще придет... Еще увидимся с ним...»

Стволистая даль темнела синевой... В лесу заплутался усталый король. Его пурпур был весь изорван и зубья короны поломаны.

Он не мог выбраться ни в далекие, северные поля, чтобы идти к родному городу, ни вернуться назад.

Он горевал о покинутых.

Стволистая даль темнела синевой.

У серебряного ручейка отдыхал сутулый колосс, одинокий в этом мире.

Ведь он был только сказкой.

Часы текли за часами. Холодная струйка ручейка прожурчала: «Без-вре-менье...»

Колосс встал. Забродил по окрестностям. Одинокий! Непонятный!..

Снега горбатых гор сверкали лиловым огнем.

Лебеди знакомой вереницей на заре тянулись к далекому северу.

Королевна вышла на террасу башни в легких розовых шелках. Старая мать шепталась и грезила в изразцовой комнате.

И показалось молодой королевне, что она – одинокая.

Одинокая.

В девственном лесу плутал король – растоптанный венок ароматных роз.

Стволистая даль темнела синевой.

Меж стволов ковылял козлоногий лесник. Пропадал где-то сбоку.

Еще водились козлоногие в лесу.

Иногда земля дрожала от тяжелой поступи прохожего гиганта.

Протекал ручей. Журчал и сверкал. У ручья опустился

усталый король.

Печаль образом темным встала над ним.

Старое лицо, изрытое морщинами, глядело из воды: это было отражение в ручье.

Понял он, что – старик, умирает. Не увидится с ними.

Кричал: «Возлюбленные мои...»

Мечтательные призраки всколыхнулись над ручьем. Роптали и смеялись над бесцельной старостью.

Томимый жаждою, пригнулся к ручью. Колыхалось отражение в ручье.

Старый лик дрожал на волнах...

Над лесными вершинами замирал голос прохожего гиганта.

Печаль, успокоенная, невидимо стояла над королем. Король опустил венчанную голову. Закрыв глаза.

Столетний владыка сидел на троне, окровавленный расцветом. В дворцовое окошко влетел черный лебедь и заговорил:

«Не жди сына. Погиб от бессилия. Заплутался в лесных чащах, возвращаясь на родину...»

«Видел я башню. Там сидит твоя внучка, красавица королевна – одинокий, северный цветок...»

«Одинокий, северный цветок...»

И державный покойник сказал, вздохнув глубоко: «Буду ждать королевну, свою внучку – одинокий, северный цве-

ток...

«Одинокий, северный цветок...»

Улыбнулся мертвой улыбкой.

Деревья горевали. Облака, встревоженные и удивленные, тащились по вершинам сосен, словно клочки белой ваты.

Всю ночь горевали и шумели на заре...

Утром королева вышла на вершину башни. Она узнала, что скончался отец.

Сидя на перилах, тихо плакала о родном покойнике, а лебеди тянулись знакомой вереницей из далеких стран.

Была юная весна.

Настал вечер. На закате еще оставалось много матового огня и еще больше золота. Там протянулась гряда туч, спокойных и застывших... и горела золотом.

Ветер понемногу сгонял и огонь и золото: нагонял синий вечер.

Легкий пар встал над лугами и лесами. Потянул холодный ветерок. Она дрожала от проплывшей свежести. Закрывала ясные очи. Долго задумывалась.

Она уставала от грусти и отдыхала тихим вечером. Вечер становился туманным и грустно-синим.

Этой ночью старуха королева в изразцовой комнатке что-то вспоминала и открыла окно. Ветер участливо трогал се-

дые пряди волос, и они струились и трепетали в грустном сумраке.

Старуха вдыхала впалой грудью запах фиалок и ландышей. Вышла на террасу подышать голубой свежестью.

Стояли и молчали.

Уже летучие мыши неверным полетом шныряли по воздуху здесь и там.

Потом старая королева, залитая атласной ночью, обратила взор свой к дочке. Она прощалась, собираясь в путь.

Ветерок шевелил белыми, как снег, кудрями. И кудри струились. Ветерок принес из далеких чащ запоздалый привет короля.

Старуха указывала рукой на далекие лесные чащи, и обе плакали. Потом старая королева говорила дочке своей: «Я знаю, что ты скрыла от меня».

И обе плакали.

Потом старая королева говорила дочке своей: «Я уже давно приготовилась к этому: по ночам принимала тайные вести.

«А теперь, когда это случилось в лесных чащах, мне больше нечего медлить. Но ты не плачь ни о мне, ни о короле...

«Я поручаю тебя Вечности...

«Уже не раз Она стояла меж нами в час печали. Отныне Она заменит тебе и отца и мать».

Старуха дрожала. Из глаз струились слезы, а вокруг головы – кудри... Она вся заструилась и растаяла облачком.

Над плачущей сиротой склонилась Ночь в виде бледной, строгой женщины в черном.

Бледная женщина в черном целовала и звала на служение себе.

Одинокая королева долго горевала.

Долго горевала.

Не могла видеть без слез атласные, голубые ночи.

Иногда голубой, атласной ночью над лесными вершинами пролетал запоздалый привет короля.

Слишком поздний.

Иногда проплывало над башней знакомое туманное облачко.

И королева простирала ему руки.

Но равнодушное облачко уходило вдаль.

Время, как река, тянулось без остановки, и в течении времени отражалась туманная Вечность.

Это была бледная женщина в черном.

Вся в длинных покровах, она склонялась затемненным силуэтом над одинокой королевой. Нашептывала своим гудящим шепотом странные речи.

Это было выше счастья и горя. Печать Вечности отрази-

лась в улыбке ее.

Прилетала серая птица. Садилась на перила. Смотрела родным взглядом. Извещала тревожным криком.

Королевне казалось, что она отходит в вечных снах.

Она молилась, чтобы миновал сон этой жизни и чтобы мы очнулись от сна.

Успокоенная женщина смотрела в очи королевны безвременно.

Задевала ее своими черными, воздушными ризами. Звала к надмирному.

Прижималась к щеке королевны своим бледно-мировым лицом.

Шептались о великом неизвестном и близко-дорогом.

Прошел год.

И еще год... Время изгладило горечь утраты.

Лишь в изгибе рта оставался след одинокого горя.

Она посвятила себя Вечности.

А была весна. У ручья цвели голубые фиалки.

Прозрачный ручей все жаловался о чем-то, катя струи.

Иногда из стволистой дали неслись звуки волынки...

Это была игра козлоногого фавна...

Цвели фиалки. Роняли слезы.

Так проходил год за годом.

Вторая часть

Лес был огромный и непрорубленный. Зелень странно шумела в роскошной дичи. Было бездорожие. Чуть знали о дорогах.

Хотя не была чаща пустыней: здесь обитали лесные жители всякого рода.

У костра справлялись чудеса новолуния и красного колдовства.

Не раз можно было видеть среди темноты рубиновые глазки старого гнома; не был он лесником, но выползал из поры покурить трубку с киркою в руке: он боролся под землей с притяжениями.

Жаркими, августовскими ночами бегали лесные собаки, чернородые и безумные; они были как люди, но громко лаяли.

Приходил и горбун лаврентьевской ночью¹.

В час туманного рассвета вдалеке разливались влажные, желтые краски. Горизонт бывал завален синими глыбами. Громоздили глыбу на глыбу. Выводили узоры и строили

¹ *Лаврентьевская ночь* – от лавренталии – древнеримское празднество низших классов в честь лар – божеств – покровителей различных сторон обыденной жизни, отличалось свободой и разнузданностью.

дворцы.

Громыхали огненные зигзаги в синих тучах.

Бледным утром хаживал среди туч великан Риза.

Молчаливый Риза опрокидывал синие глыбы и шагая по колено в тучах.

В час туманного рассвета сиживал у горизонта на туче, подперев безбородое лицо.

Беззвучно смеялся Риза каменным лицом, устремляя вдаль стеклянные очи... Взметывал плащ свой в небеса и пускал его по ветру...

Исчезал, пронизанный солнцем.

Были темные времена кулачного права и гигантов.

Среди необъятных лесов ютились рыцарские замки. Рыцари выезжали грабить проезжающих.

Отнимали и убивали.

В те времена можно было встретить мрачного всадника, горбоносого и с козлиной бородой.

Всадник ездил по чаще и призывал козлоногого брата.

И в ответ на зов смотрел из чащи козел тупыми глазами ужаса: недаром ходили козлы вместе с людьми на шабаш ведьм.

Прижимал рыцарь руки к груди, поглядывал на козла и пел грубым басом: «О, козлоногий брат мой!..»

Сам был козлобородый рыцарь. Сам обладал козлиными

свойствами: водил проклятый хоровод и плясал с козлом в ночных чашах.

И этот танец был *козловак*, и колдовство это — *козлование*.

Был холм, поросший ельником. С холма открывалась туманная даль. Вечерело.

На черноэмалевый горизонт выползал огромный красный шар. Проезжий рыцарь в грусти затянул разбойничью песню.

Вдали, на горе, высились силуэты башен: это был замок. Сзади высоко взметнулись тяжелые, синие купола, излучающие молнии.

Рыцарский замок был стар и мрачен. Окна его были из драгоценных стекол.

Низки были своды темных коридоров.

Там жил мальчик. Он был робок и бледен. Уже сияли глаза его, темные, как могила. Это был сын рыцаря.

Скучная темнота окутала младенчество робкого мальчика.

Ранее из темноты звучал серебристый голос. Милое, худое лицо выступало из сумрака.

А потом совсем утонуло материнское лицо в сонную темноту. Не звучал серебристый голос.

Помнил он сквозь туман горбоносого рыцаря с черной козлиной бородой и острым взглядом.

Даже звери косились на темного отца, а собаки выли и скалили ему зубы.

Вспоминал наезды темного рыцаря в замок.

Выносили образа. Пугались. В коридорах топтались и шумели неизвестные.

Сам бледный мальчик в озаренных коридорах встретил странного незнакомца.

Однажды осенью молния убила темного рыцаря.

Был у тихого мальчика чудный наставник в огненной мантии, окутанный сказочным сумраком.

Водил мальчика на террасу замка и указывал на мутные тени. Красный и вдохновенный, учил видеть бредни.

И бредни посещали мальчика: он свел знакомство с самим великаном Ризой... По ночам к замку приходил сам Риза, открывал окно в комнате у бледного маленького мечтателя и рассказывал ему своим рокочущим, бархатным голосом о жите великанов.

Однажды в солнечный день постучал гигант пальцем в окно к ребенку.

Однажды проходил вечером старый Риза и бросил на замок свою длинную тень.

Но прошло детство. Улетели с детством туманные сказки.

Он стал красавцем и юношей. Носил густые кудри и латы.

У него было бледное лицо с памятными чертами, большой нос и курчавая бородка.

Он казался отдаленным свойственником козла.

Стал он рыцарем этих мест. Часто задумывался на берегу великой реки.

На реке ходили волны.

Прежний рыцарь носил железные латы и вороново крыло на железном шлеме. Был горбоносый и одержимый.

Однажды осенью привезли его в замок с черно-синим лицом, спаленным лиловою молнией.

После смерти заговорили о днях лаврентьевских безумств. О том, как близ замка падал кровавый метеор, а дворецкий всю ночь ходил в коридорах замка.

Как он носил красный шарик на серебряном блюде. Подавал горячий шарик старому рыцарю.

Обуянный ужасом волшебств, рыцарь подбрасывал горячий шарик и пел грубым басом: «Шарик, мой шарик».

И это был обряд шарового ужаса.

Молодой рыцарь знал, что от старых мест поднимаются старые испарения шарового бреда и ужасных козлований он бросил дедовский замок и построил новый замок на берегу великой реки.

И когда подъезжал к новой обители, вдалеке шумел сердитый лес, посылая угрозы.

Молодой рыцарь жаждал заоблачных сновидений, но в душе поднимались темные наследственные силы.

Иногда он подходил к окну замка, чтобы любоваться звездными огнями, а у окна подстерегали...

Вытягивались в знакомое очертание... Кивали. Улыбались... Приглашали совершить обряды знакомых ужасов... Нашептывали знакомые, невозможные слова...

Понимал молодой рыцарь, что не Бог зовет его к себе... Испуганный приходом Неведомого, зовущего в тишину ночную, тщетно падал перед озаренным Распятием.

Потому что от старых мест тянулись старые испарения шарового ужаса и ужасных козлований... И все кивали, – все улыбались... Приглашали совершить обряды знакомых ужасов... Нашептывали невозможно-бредовые слова.

И рыцарь садился на коня. Как угорелый мчался вдоль лесов и равнин, чтоб заглушить слова Неведомого, Зовущего в тишину ночную...

Бывало, на лесной поляне качаются золотые звездочки и пунцовые крестики, а уже страх пропадает, становится туманным и грустно-задумчивым.

Бывало, разливается рассвет, а в вышине совершается белая буря над застывшие-перистыми тучками, и они разметываются по бледно-голубому.

А ужас убегает, полыхая зарницами с далекого запада.

Тогда останавливает молодой рыцарь коня, отдыхает от

страха на рассвете.

А у ног его качаются золотые звездочки и пунцовые крестики на длинных стебельках...

Когда заезжал рыцарь далеко в лесную глушь, бывало, из лесной глуши проносилось легкое дуновение.

Словно звук лесной арфы замирал в стволистой дали. Словно была печаль о солнечных потоках.

Словно просили, чтобы миновал сон этой жизни и чтобы мы очнулись от сна.

Уже вечер становился грустно-синим, а рыцарь все прислушивался к пролетающему дуновению.

Уже стволистая даль подергивалась синей, туманной мрачностью. Уже в мрачной стволистой синеве горели багровые огни.

Где-то вдали проезжала лесная бабатура верхом на свинье. Раздавалось гиканье и топот козлоногих.

И задумчивый рыцарь возвращался домой.

Однажды был закат. В лесу ехал рыцарь на задумчивые звуки. Все ближе раздавалась горняя молитва, как бы вихрь огня.

Протекал зеленый ручеек. Был огонь на водах изумрудных.

На лесном холме стояли два мечтательных гнома. Они

глядели вслед проезжавшему рыцарю и подпирали короткой ручкой скуластые лица свои.

Слушали песню зари.

Перед рыцарем была лесная поляна, на поляне башня.

И там высоко... как бы в огненном небе... неведомая молодая королева простирала заходящему солнцу свои тонкие, белые руки.

Белая лилия на красном атласе. У нее синие глаза и печальная улыбка.

Она просила, чтобы миновал сон этой жизни и чтобы мы очнулись от сна.

Оцепеневший рыцарь с восторгом внимал этой песне, песне сверкающих созвездий и огнистого сатурнова кольца.

Невозможное казалось близко.

Был вечер. И к горизонту пришли гиганты лесные. Раздвигали тучевые синие глыбы. Выставляли неподвижные лица.

И до них долетели молитвы королевы, как звук серебряного рога...

И гиганты сидели на тучах, склонив безбородые лица.

Вспоминали... о счастье...

Еще далекие вершины лесные шевелились от ее закатившейся песни, а уж королева, с грустной улыбкой, сидела на

перилах.

И уж не пела она, королевна, – белая лилия на красном атласе!..

Белая лилия!..

Скользила ласковым взглядом по незнакомцу в ясных латах и в оливковой мантии. Он вышел на лесную поляну отвешивать поклоны королевне, прижимал к сердцу белый цветок.

Гас восток. Уж ложилась мгла. Он был красив и приятен, но казался свойственником козла.

Хотя и был знатен.

С той поры, лишь кончались вечерние звоны и гас красный свет закатный, отвешивать поклоны приходил незнакомец приятный.

Он был приятен, но все же казался свойственником козла.

Хотя и был знатен.

Каждый вечер после жары он приходил с той поры.

Далекie снеговые конусы сторели аметистовым огнем. Лебеди пролетали над северными полями.

Туманным вечером они сидели на вершине башни. Над ними мигала спокойная полярная звезда.

У него были серые одежды. На них были нашиты серебристо-белые цветы лилии. У нее на груди сверкал голубой

крест.

Над ним она склонялась, как нежная сестра, как милый, вечерний друг.

Указывала на созвездие Медведиц. Улыбалась тающей улыбкой, чуть-чуть грустной.

Напевала бирюзовые сказки.

И молодой рыцарь забывал припадки ада. Любовался налетавшим облачком и вечерней сестрой.

Бледным утром возвращался с вершины башни, успокоенный в грусти своей.

Пропели молитву. Сосны, обвиваемые сном, шумели о высших целях.

В сосновых чащах была жуткая дремота. У ручья, на лесной одинокой поляне росли голубые цветы.

Козлоподобный пастух Павлуша сторожил лесное стадо.

Он выслушал длинными ушами призыв к бриллиантовым звездам. Надменно фыркнул и забренчал на струне песню негодяев,

Не мог заглушить голоса правды Павлуша и погнал свое стадо в дебри козлованья.

Сосны, обвеваемые сном, шумели о высших целях.

Где-то пропели молитву.

Они говорили: «Где твое царство – ты, неведомая коро-

левна?» – «У меня было царство земное, а теперь я не знаю, где оно... Мое царство – утро воскресения и сапфировые небеса. Это царство сапфировых грез не отычется у меня».

«Где венец твой – ты, неведомая королева?» – «У меня нет никакого венца. Есть один венец – это венец небесный, и он доступен каждому».

«Где твоя пламенная мантия – ты, неведомая королева?» – «У меня нет пламенной мантии. И без мантии Господь видит пламень сердца моего...»

«Он сверкает в ночи красным яхонтом...»

Молодой рыцарь грустил и оскорблялся непонятным величием королевы. Тайные сомнения волновали его душу.

На черном небосклоне вставал одинокий, кровавый серп.

В рыцарском замке жил горбатый дворецкий. Днем и ночью его стучащая поступь раздавалась в каменных коридорах.

Ухмылялся в потемках старым стриженным лицом.

У него за спиной шептали, что вместе с черным покойником он творил богомерзкие ужасы. Что и теперь не оставил старых замашек.

Не раз его видели темной, осеннею ночью, как он, как паук, заглядывал к молодому рыцарю. Рассыпал зеленые порошки. Приводил из лесу знатоков козлованья. Не раз к молодому рыцарю заглядывали козлы.

Таков был старый дворецкий.

Молодой рыцарь склонялся у Распятия, озаренного лампадой, вспоминая юную сестру. Красный лампадный свет ложился на серые стены. Была в том сила молитвы.

Побежденный мрак рвался из углов, отступал в неопределенное. И хотелось обнять весь мир, за всех в мире помолиться.

В узкое окно просилась ночь молитв со спокойной, полярной звездой.

Но... где-то за стеной... раздавалась стучащая поступь гнусного старика. Улетали чистые молитвы. В темных коридорах старый горбун припадал к замочной скважине.

Воровским взглядом следил за сомнениями молодого рыцаря. Приглашал мыслью своей совершить обряды тайных ужасов. Нашептывал бредовые слова.

И потом... продолжал свою одинокую прогулку, освещая огнем потайного фонарика черное пространство. Ухмылялся в потемках желтым, стриженным лицом.

Таков был старый дворецкий.

Замирали глухие шаги на каменных плитах, а уже рыцарь, пропитанный ядовитым бредом, хохотал, измышляя ужас королевне, сестре своей.

В замочную скважину текла едкая струйка шарового ужа-

са и ужасных козлований, пущенная богомерзким дворецким.

Молодой рыцарь был единственный брат королевы. Она любила его от чистого сердца.

Но он уже редко приходил на вершину. Хмурый, задумчивый, что-то таил от нее... Не было легкой дружбы. Была трудная игра.

Едва она заговаривала о Вечности, как вдоль лба у рыцаря ложились морщины и он говорил: «Молчи, я не так тебя люблю».

Когда она спрашивала: «Как же ты любишь меня?» — он уходил от нее, стиснув зубы.

Стояли июльские ночи. Кругом безмолвно разрывались гранаты и бомбы. Наполняли мрак мгновенной белизной...

Это были зарницы.

В ту пору стоял жар. Надвигались дни лесных безумств... Много ночей по небесам ходили сине-белые громады. Громоздили громаду на громаду. Выводили узоры. Строили дворцы.

Кузнец Антон работал мехами и раздувал огонь в сине-белых твердых, и небо было в объятиях антонова огня...

Шел бредовый бой и грозные столкновения.

Королева, бледная и страдающая, молилась за друга, с

которым начались странности. Небо сверкало и освещало лесную дорогу, откуда приходил друг.

На знакомом пути ковылял незнакомый хромец.

В эту ночь молодой рыцарь сидел запершись с горбатым дворецким. Он говорил жгучие слова и размахивал руками.

Дворецкий молчал, устремляя на безумца воровские очи.

Еще вчера к горбуну приходил незнакомец, окутанный черным плащом и с куриными лапами вместо ног. А уж сегодня они тут сидели, облокотившись локтями о стол, наклонив друг к другу свои бледные лица, говорили об ужасах и строили замки.

Потом коренастый дворецкий оседлал коня и поскакал в чащу, извещать кого-то об удаче. Раздался звук сигнальной трубы. Опустился подъемный мост.

Вот черный конь пронес дворецкого над глубоким рвом. Застучал железными подковами.

Ему вслед трубил дежурный карла. Подъемный мост взвился над глубоким рвом.

Таков был старый дворецкий.

А королева все молилась за своего друга, возводя очи к небесам.

Но в небе стоял белый ком, а у горизонта лежала дымовая, кабанья голова. Из кабаньей головы раздавались короткие громы.

Глухо отругивались от молитв и глумились над печалью.

Солнечным днем прошла лесная буря. Она срывала зеленые ветви и обсыпала ими двух всадников. Это был рыцарь и его гнусный дворецкий.

Солнечным днем прошел ливень и стучал гром.

Где-то недалеко прошли великаны ускоренным шагом и утонули в глубине горизонта.

Рыцарь ехал хмурый и бледный, а старый дворецкий следил вороньим взором за сомнением молодого господина своего....

...Снова воскрес образ отца, спаленного лиловою молнией, а старый дворецкий указывал на лесную чащу, где сквозь тонкие березовые ветви была видна одинокая часовенька: тут восхищались сатаною.

Проходил день. Лучи заходящего солнца обливали луга и леса сгущенной желтизной. От опушки леса тянулись вечерние тени.

По освещенному лугу вдоль лесной опушки двигались всадники. Их было двое. Их черные кони в красных попонах с золотыми вензелями бодро ржали, а тени всадников казались непомерно длинными.

Всадники проехали рысью. Старший в чем-то убеждал молодого.

Подул ветерок. Вдоль всей страны протянулась тень неизвестного колосса. Гордо и одиноко стоял колосс, заслоняя солнце. Высилась венчанная голова его, озаренная розовым блеском.

Колосс смотрел на Божий мир, расстилавшийся перед ним. Он был одинок в этом мире.

Он хотел забыться, уснуть. Уходил из мира непонятым.

И вот стоял одинокий колосс вдали, окутанный вечеряющим сумраком.

Вечером небо очистилось. Меж стволов показались блуждающие огоньки среди мрачной сырости. На темно-голубом небе был тонкий, серебряный полумесяц.

На поляне у обрыва, где зеленели папоротники, сидели, — пригорюнившись.

Пылал красный костер.

Над костром вытягивался старый лесной чародей, воздевая длинные руки... Красный от огня и вдохновенный, он учил видеть бредни.

А потом они все заплясали танцы любви, топча лиловые колокольчики.

Меж лесной зелени показались вороньи кони в красных понах. Двое всадников соскочили с коней. Один был горбун; он остался при конях.

Изящные очертания другого охватывала кровавая ман-

тия, а под мантией везде было черное железо. Пучок страусовых перьев развевался над головой,

Правой рукой он сжимал тяжелый дедовский меч, а левой подбирал край мантии.

Он пошел к башне, путаясь в высокой траве цепкими шпорами, а на вершине башни, едва касаясь мраморных перил нежными пальцами, она стояла в белых одеждах, как бы в некой воздушной мантии.

Ее милый профиль ярко вырисовывался на фоне ясно-голубой, звездной ночи.

В полуоткрытом рте и в печальных синих глазах трепетали зарницы откровений.

Иногда она низко склонялась, покорная и вся белая, и вновь подымался ее силуэт над голубым, вечерним миром.

Так она молилась. Над ней сиял серебряный полумесяц.

И рыцарь остановился, но в ближних кустах закашлял горбун, и рыцарь, звеня шпорами, стал взбираться по мраморной лестнице.

И когда он был уже на вершине, она все устремляла синие очи в далекую безбрежность. Там понахмурилась тучка, бывшая заревой.

Но он дважды стукнул мечом. Она улыбнулась в испуге. Не узнала милого брата. Узнав, улыбнулась ему.

Так они стояли и молчали.

Он говорил: «Уже ты меня наставляла, а теперь я пришел сказать тебе новое слово. Оно, как пожар, сжигает мою душу.

«Ты заблуждаешься, воспевая надмирность... Я сын рыцаря. Во мне железная сила.

«Пойдем ко мне в замок, потому что я хочу тебя любить. Хочу жениться на тебе, королева неведомого царства».

Его глаза метали искры.

Лес был суров.

Между стволов в дни безумий все звучал, все звучал звонкий голос волхва, призывая серебряно-тонких колдуний для колдовства.

В дни безумий:

«С жаждой дня у огня среди мглы фавны, колдуньи, козлы, возликуем.

«В пляске, равны, танец славный протанцуем среди мглы!.. Козлы!..

«Фавны!»

Молодая королева стояла бледная от луны, опустив тонкий, увенчанный профиль. Серебряные слезы скатились из-под опущенных ресниц.

Не видно было ее глубокой тоски. Она говорила медленно и спокойно. Ее голос был тихий, чуть грустный.

«Возлюбленный, ведь и я тебя люблю. И моя любовь –

невиданная на земле. Этот вздох бирюзовых ветерков.

«Этого ты не понял. Разрушил нашу дружбу, чистую, как лилия...

«Белую...

«Мне горько и тяжело...»

У обрыва, где росли папоротники, плясал старый чародей, поднимая край лиловой одежды.

Он потрясал бородой... И седые пряди струились вокруг его вдохновенного лица.

Перед ним потрескивало пламя, и казалось, он был объят сквозным, красным шелком.

Иногда он перелетал через костер; тогда над сквозным шелком красного пламени его надувшаяся одежда протягивалась лиловым парусом.

А кругом веселились колдуньи и утешали друг друга: «Посмотрите: старик ликует!

«Он ликует, ликует!..»

Слушая песни лесного чародея, рыцарь приблизился к королевне и говорил: «Я осыплю тебя рубинами и карбункулами... Я достану тебе пурпур мантии моим железным мечом.

«Ты ведь королевна безвенечная, безцарственная...»

«Я уже говорила, не здесь мое царство. Будет время, и ты увидишь его.

«Есть у меня и пурпур: это пурпур утренней зари, что за-

горится скоро над миром.

«Будут дни, и ты увидишь меня в этом пурпуре...

«Но прощай!.. Нам должно расстаться...»

Тут обезумевший рыцарь придвинулся к королевне и с криком: «Я совлеку тебя с вершин!» – обхватил ее стан и уже собирался спуститься в низину со своею добычею...

Но над головою склоненной королевы встал гневный образ призрачного старика в королевской мантии и золотой короне.

Его бескровные губы шевелились. Он грозил рыцарю туманной рукой.

И молодой рыцарь понял, что нет у него ни трона, ни пурпура, что упал он в трясины прежних лет.

И он стал опускаться в низины, запахнувшись в свой плащ. Он дрожал всем телом. Над его головой колебался пучок черных, страусовых перьев.

Пляски и песни любимые продолжал чародей: «О, цветы мои, чистые, как кристалл! Серебристые!

«Вы – утро дней...

«Золотые, благовонные, не простые – червовно-сонные, лучистые, как кристалл, чистые.

«Вы – утро дней».

И кричал, ликуя: «Все нежней вас люблю я».

Голубую ночью она стояла, одинокая, на вершине башни.

Она была чистая красавица севера.

Одинокая.

Утром еще стояла она в венке из незабудок на фоне зари.

На востоке таяла одинокая розовая облачная башня.

На рассвете он сидел вместе с горбатым дворецким в лесной чаще и горько плакал.

А коренастый дворецкий разводил руками и шептал рыцарю: «Не горюй, могучий господин, уж я знаю, как утешить тебя...»

Рассвет был золотой, а у самого горизонта полыхал красный огонек.

На востоке таяла одинокая розовая облачная башня.

Они сидели у потухающего костра, отдыхая после танцев. Прислушивались к утреннему безмолвию.

Вдали раздался словно лошадиный ход.

Скоро с удивлением узнали, что мчался на них кентавр Буцентавр... Он держал над головой растопыренные руки. Еще издали улыбался молниевой улыбкой, крича о золотом рассвете.

Промчался, как вихрь, мимо них и понесся вдаль безумный кентавр... чуть-чуть страшный...

И они взошли на холм, чтоб приветствовать золотое утреннее пиршество, сверкающее над лесом, – все в венках из папоротника...

Чародей протягивал руки винно-золотому горизонту, где расплзался последний комок облачной башни, тая, а пел заре: «Ты смеешься, вся беспечность, вся, как Вечность, золотая, над старинным этим миром...

«Не смущайся нашим пиром запоздалым... Разгорайся над лесочком огонечком, ярко-алым...»

Третья часть

В те времена все было объято туманом сатанизма. Тысячи несчастных открывали сношения с царством ужаса. Над этими странами повис грех шабаша и козла.

Даже невинные дети открывали туманные сношения.

В ту пору еще странствовал здесь пасмурный католик на куриных лапах.

Иногда туманным, осенним вечером он проходил вдоль опушки леса, шурша омертвевшими листьями, подобрав длинную, черную рясу; от него запирались бедные жители.

Творили заклинания и крестили окна.

Призывно и вкрадчиво стучался в двери домов пасмурный католик; предлагал обитателям воровские сделки.

Иногда отмыкались двери, и глупцы впускали к себе незнакомца на куриных лапах.

Как часто среди камней и вереска насмешливый католик совершал черную мессу и ему прислуживали диаволы Астарот и Богемот².

Предлагал собравшимся богомольцам багровую свеклу: это была пародия на обедню.

² *Богемот* – бегемот (гиппопотам) в арабских преданиях считается исчадием ада и воплотившимся дьяволом; в Библии (Книга Иова) приводится как пример неодолимой для человека силы.

В городах благочестивцы сражались с пасмурной силой. Они варили на площадях дубовые щепки на страх колдунам и колдуньям.

Благочестивцы подсматривали в окна друг к другу. Обвиняли друг друга в позорном колдовстве.

Благочестивцы ходили дозором... Среди пустырей старых развалин не раз накрывали почтенных отцов семейства, совершавших сатанинские скачки и полеты на помеле.

Богомольно пели монахи «pereat Satan»³, знакомя виновных с испанскими сапогами; узнавали подноготную.

Подобрав свои длинные рясы, забивали несчастным в окровавленные ноги железные клинья, заставляли их глотать стекло и плясать на огне.

Разводили горячие костры и утешали ад мракобесия дымом и жгучестью.

В те времена все было объято туманом сатанизма.

К вечеру небо нахмурилось. Ключки холодной синевы летели над осенней страной.

Рыцарь сидел на террасе замка, испуганный и бледный. На нем был черный траурный плащ, окаймленный серебром.

Перед ним шумела река. Она наливалась чернотой и ночным мраком. Только гребни волн отливали белым металлическим блеском.

Все было полно мистического страха... Вдалеке проплы-

³ «Изыди, Сатана» (лат.).

вала чья-то лодка, оставляя за собой стальную полосу...

Рыцарь знал, что это было предвестием несчастья и что в лодке сидел не рыбак... Совершенно стемнело.

Виднелись мутные силуэты, и слышался ропот волны.

Призывный рог дежурного карды возвестил о приходе неведомых.

Подавали знаки и переговаривались.

Старый дворецкий пришел на террасу доложить о появлении незнакомого хромца.

Тут они стояли причудливыми силуэтами во мраке ночи!..

Старый дворецкий склонил седую голову на горбатую грудь и стал поодаль, а хромец подошел к молодому рыцарю и завел воровские речи о знакомых ужасах.

Рыцарь смотрел на пришедшего, что-то мучительно вспоминая.

Наконец, в минуту прозрения, перед ним вырисовался взгляд козла, и он вскричал в волшебном забытьи: «О, козлоногий брат мой!»

Тут поднялась в нем вся бездна угасших козлований, а где-то недалеко сквозь тучи вспыхнул багрянец и погас.

Это была лаврентьевская ночь. Упал кровавый метеор. Дворецкий выразительно блеснул круглыми глазами и вновь склонил воровскую голову на горбатую грудь.

Потом всем троим были поданы черные кони. Их приняла

в свои объятия ночь.

Ночью был дождь, и в оконные стекла ударяли тусклые слезы. И далекий лес бунтовал. И в том бунтующем шуме слышались вопли метели.

И казалось, смерть надвигалась тихими, но верными шагами.

В лесных чащах у серебряного ручейка стояла часовенка. Днем сюда приходили многие молиться, хотя часовенка стояла в недобром месте: вдоль серебряного ручейка водились козлоногие фавны.

Здесь можно было слышать стук козлиных копыт.

А молодые козлята встречались и в солнечный день; они уморительно корчились, осененные крестным знаменем.

Ночью в часовню заходил совершать багровые ужасы старый негодник – священник этих мест: это была воровская часовня.

Это была подделка лесных жителей, и здесь плясали танец козловак.

Прошлого ночью здесь совершилась гнусная месса над козлиного кровью. Старый негодник причастил молодого рыцаря волшебством.

Поздравляли молодого рыцаря с совершенным ужасом старый дворецкий и пришлый хромец.

Сегодня было бледное утро. Начиналась осень. Вдоль до-

рог и полей летели сухие, сморщенные листья; уже давно не бывало небо голубым, но осенне-серым.

Раз даже был заморозок, и грязь засохла бледными комьями с полосками льдинок.

Б этих местах завелась пророчица. Она ходила по замкам и селам босая, столетняя. Она подымала пророческий палец к осенне-серым небесам.

Говорила глухим рыдающим голосом о мере терпений Господа и о том, что ужас недолго продолжится, что Господь пошлет им святую.

И от ее слов протащи́лась темно-серая пелена куда-то вдаль, а над пеленой засверкала осенняя, голубая от луны, холодная ночь.

В небе раздавалась песнь о кольце Сатурна и вечно радостной Беге...

Вечнозеленые сосны, обуреваемые ветром, глухо стонали холодно-голубой, осеннею ночью.

Над лесными гигантами была едва озаренная терраса и на ней стоящая, чьи нежные руки были протянуты к небесам.

Так она стояла с волосами, распущенными по плечам, и молилась Вечности, Ее милый профиль тонул на фоне звездно-голубой ночи.

В полуоткрытом рте и в печальных синих глазах трепетали зарницы откровений. На ресницах дрожало по серебри-

сто-молитвенной слезе.

Она молилась за брата и вот то склонялась, то вновь простиралась к Вечности с все теми же словами: «Нельзя ли его спасти: он – несчастный».

Утром еще стояла она на фоне зари. Слышались прощальные крики журавлей: там... они летели... вечным треугольником.

А время, как река, тянулось без остановки, и в течении времени отражалась туманная Вечность.

Это была бледная женщина в черном.

Вся в длинных покровах, она склонялась затемненным силуэтом над одинокой королевой и нашептывала странные речи: «Он устал... Не погибнет... Его ужаснули ужасы... Он несчастный...»

«Ему суждено туманное безвременье...»

И лес роптал.

И росло это роптанье, словно сдержанный говор, словно грустная жалоба облетающих листьев.

Успокоенная женщина смотрела в очи королевы безвременьем, задевала ее воздушно-черными ризами, прижималась к щеке королевы своим бледно-мировым лицом.

Обжигала поцелуем, поцелуем Вечности.

Это было выше счастья и горя, и улыбка королевы была особенная...

Холодным, осенним утром на кристальных небесах замечалось бледно-зеленое просветление.

Скорбный рыцарь в траурном плаще задумывался у песчаного оврага. Он стоял на холме, поросшем вереском, вспоминая шабаш, ужасаясь ужасом, вечно ревущим в его ушах.

Вблизи, у края оврага, юные березы облетали, шумя и тоскуя о весне.

А под березами сидел некто громадный и безумный скорченным изваянием, впери в молодого рыцаря стеклянные очи.

И когда он повернул к нему свое бледное лицо, улыбнулся сидящий невозможной улыбкой. Поманил гигантским перстом.

Но рыцарь не пошел на страшный призыв.

Это уже не была новость. Уже не раз белым утром мерещились остатки ночи. И рыцарь накрыл воспаленную голову черным плащом.

И громада вскочила. И кричала, что не сказка она, что и она великан, но рыцарь заткнул уши.

И непризнанный гигант пошел прочь в иные страны. И еще долго сетовал вдали.

Дворецкий отдавал приказания. В замке возились. Готовились к вечернему приему.

Вечером ждали самого пасмурного католика и готовились

к ужасу.

Выносили старинные иконы.

И стало тошно молодому рыцарю от надвигавшейся бездны мерзостей. Он пошел в приют уединения.

Он тяготился страшным знакомством, а молиться Господу об избавлении не смел после совершенных богомерзких деяний на шабаше.

Он шептал: «Кто бы помолился за меня?»

А уж солнце стояло высоко... И уже ночь была не за горами... И возились слуги.

Выносили старинные иконы.

Вечером дул холодный ветер. Летели низкие клочки туч над серыми башнями замка. Часовой, весь закутанный в плащ, блистал алебардой.

Но подъемный мост был спущен, и замок горел в потешных огнях.

А вдоль дорог и лесов к замку тянулись пешие и конные, неизвестно откуда. Были тут и хромцы, и козлы, и горбуны, и черные рыцари, и колдуньи.

И лесная кабаниха, бабатура, верхом на свинье.

Ежеминутно выходил на бастион старый карла и трубил, извещая.

Выходил проклятый дворецкий, гостей встречая.

Горбатый, весь сгибаясь, разводил он руками и говорил, улыбаясь...

И такие слова раздавались: «Здравствуйте, господа!.. Ведь вы собирались сюда для козловачка, примерного, для козловачка?»

«В сети изловим легковерного, как пауки... Хи, хи, хи... в сети!.. Не так-ли, дети?»

«Дети ужаса серного...»

И с этими словами он шел за гостями...

И когда часы хрипло пробили десять, возвестили о начале ужаса.

Уже сидели за столами.

Тогда плачевно завыл ветер, и пошел скучный осенний дождь.

Звенели чаши в палате, озаренной тусклыми факелами. Пировали. Прислушивались, не постучит ли в дверь запоздалый гость.

Еще место против хозяина оставалось незанятым. Роковой час близился.

Слуги принесли котел, а горбатый дворецкий снял крышку с дымящегося котла и провозгласил прибаутку.

Подавали козлятину. Грохотали пьяные рожи. Свиноподобные и овцеобразные. Щелкали зубами волковые люди.

За столом совершалось полуночное безобразие, озарен-

ное чадными факелами.

Какой-то забавный толстяк взгромоздился на стол, топчя парчовую скатерть грубыми сапожищами, подбитыми гвоздями.

Он держал золотой кубок, наполненный до краев горячею кровью.

В порыве веселья затянул толстяк гнусную песню.

А хор подхватывал.

Уже там, далеко, на опушке соснового бора сидел на камне пасмурный католик, смотря на далекие, потешные огни замка.

Собирался католик на приветственное пиршество, но предстала туманная вечность.

Она свистала и шумела непогодой, и сквозь буйные вздохи раздавался рыдающий голос.

Она смотрела на католика мутными очами. Говорила: «О, ты, поющий, вопиющий, взывающий мрак!.. Оставь, уходи... Он более не жаждет ужасов... Он несчастный...»

«Он полюбил туманное безвременье...»

Испугался пасмурный католик и ушел в сосновую рощу.

Пробила полночь. В залу вошел старый дворецкий.

Он приглашал знаками к молчанию и распахнул наружную дверь.

Потом он стал у отворенной двери, склонив седую голову

на горбатую грудь.

В отворенную дверь стала бить туманная непогода. Сидящие задрожали от осеннего дуновения.

Зачадили факелы. Поникло кровавое пламя, развеваясь по ветру... угасая.

И бледный, нахмуренный хозяин поднялся с сиденья, опустив глаза. Стоя, ждал страшного гостя.

Все присмирели и творили призывные заклинания.

Но проходили часы, и бледнела ночь, и никто не приходил. Только пред рассветом мимо открытых дверей прошло очертание строгой женщины в черном.

Это была туманная Вечность, и больше никто.

И тогда поняли, что хозяин не удостоен посещения. Уезжали с пира несолоно хлебавши.

Уничтожали хозяина взорами презрения.

И рыцарь был спасен. Ужасы миновали. Осталась только глубокая грусть.

Серым утром он стоял на высоком бастионе, слушая вопли ветра – северного Ревуна.

Где-то пролетал одинокий Ревун, сжимая сердце смутным предчувствием.

А внизу к воротам замка пришла неведомая пророчица и, потрясая рукой, говорила о мере терпения Господа.

Она призывала к покаянию. Говорила, что Господь сжа-

лился над северными странами. Пошлет им святую.

Она говорила: «Мы все устали... Нас ужаснули ужасы... Мы несчастны...»

«О, если б нам хоть туманное безвременье...»

Лес шумел и шептал. И росло это шептанье, словно яростный говор, словно грустная жалоба облетающих листьев, умирающих в грусти своей.

Утром бегал растерянный дворецкий в лес с оправданиями. Слезно плакал и бил себя в грудь.

Но его погнали от себя козлоногие лесники.

И весь день бегал горбун по сосновому бору, и за ним с гиком и свистом гналась стая лесников.

Притоптывали козлиными ногами. Пускали гнилые сучья в горбатую спину обманщика.

Шли года. Наступил день. Королевна спускалась с вершины башни, исполняя небесное приказание. Она шла изгонять мрак.

Она взяла длинную палку и к концу ее укрепила свое сверкающее Распятие. Она пошла вдоль лесов, водрузив над головою Распятие.

Иной раз можно было видеть, как из-за кочки поднимался красный колпачок спрятавшегося гнома и два рубиновых глаза зорко провожали королевну.

Черные рыцари дрожали при ее приближении в своих замках, а недобрые часовни, распадаясь, проваливались сквозь землю, поглощаемые пламенем.

Бес покидал одержимого, и он славил Бога.

Шли года. Мертвый король сидел на троне, ожидая неверного сына. Однажды ворвался в залу ветерок и зашептал поникшему королю о неожиданном счастье.

И улыбка скользнула на потемневшем лице. И он сошел с трона. Снял рог, висевший на стене, и вышел на террасу.

Призывно затрубил в свой длинный рог почивший старый король в красном и золотом.

Это он встречал свою внучку. Она шла к нему по мраморным ступеням, опираясь о палку с Распятием наверху.

И король-дед повел ее на трон.

После он тихо простился с вернувшейся и покорно ушел в свою гробницу.

Днем и ночью спасенный рыцарь вспоминал милый образ сестры своей, королевны, убиваясь о прошлом. Прошлое нельзя было вернуть.

И он одевал свои доспехи и с копьем в руке мчался в даль лесов и равнин, вонзая шпоры в черного коня своего.

Как часто он вызывал с горя на бой лесного дикаря – бородатого кентавра и пронзал его копьем в пылу охоты... И не один бородатый кентавр, падая, судорожно сжимал кула-

ки и обливался кровью.

Как часто он стоял над трупом лесного бородача с лошадиным туловищем, не будучи в силах позабыть ее.

Еще с конца копья сочилась алая кровь, а он кричал в лесных чащах над ручьем: «О, если б мне увидеть ее и загладить прошлое...»

И откуда-то издали приближался ропот. Ропот Вечности... Где-то трогались лесные вершины и можно было слышать: «Ты увидишься, но прошлого не загладишь, пока не придет смерть и не покроет тебя хитоном своим...»

Холодная струйка ручья, наскочив на подводный камень, журчала: «Безвременье...»

Скоро призывный рог возвестил о новообъявленной повелительнице этих стран, и вдоль дорог потянулись рыцари на поклон к далекому северному городу.

А у трона юная повелительница говорила новые речи: «Ныне я принесла свет с вершин...

«Пусть все просветятся, и никто не останется во тьме...

«Прежде вас звали на вершины за счастьем, а теперь я его даром даю вам!

«Идите и берите...»

Так она говорила в снежно-сверкающих ризах и в алмазной короне, улыбалась особенной улыбкой... чуть-чуть грустной...

В голосе ее был вздох прощенья после бури, а в изгибе рта – память об угасшем горе...

Подходили рыцари, закованные в броню, преклоняли колени на ступеньках трона, держа в руках свои пернатые головные уборы.

И всякому она протягивала руку, белую, как лилия, ароматную, и он прикладывал ее к устам.

Всякому улыбалась.

Но вот преклонил колени молодой красавец, смотревший на королеву глазами, темными, как могила.

Он испуганно помертвел.

И все заметили, что и она чуть-чуть бледнела и улыбка сбежала с малиновых уст.

Потом она холодно протянула ему руку.

Мимолетное облачко грусти и невыразимой нежности затуманило ее взор, когда он склонил перед ней буйную голову.

А когда он взглянул на нее, ее взор снова покрылся налетом равнодушия.

И рыцарь вышел из тронной залы, пошатываясь, и никогда не возвращался обратно.

А прием продолжался... Рыцари, закованные в броню, преклоняли колени перед троном, держа в руках пернатые уборы.

И заря, падая сквозь высокие готические окна, горела алым блеском на их панцирях.

Молодой рыцарь вернулся из далекого, северного города. Он проводил дни и ночи в приюте уединений.

Тут бил фонтан. Холодные струи разбивались о гладкий мрамор.

Казалось, шумели бледным, фонтанным утром. Разражались задушевым смехом.

Это были только холодные струи.

Из колодезной глубины кивал ему грустный лик – пережитое отражение.

Он шептал: «Милая, я знаю – мы еще увидимся, но только не здесь.

«Я знаю – мы увидимся... Время нас не забудет!

«Где же это будет?»

Так он предавался мечтам, а струи в печали шептали: «Это будет не здесь, а там...»

Однажды рыцарь услышал за спиной шорох одежд; это стояла задумчивая женщина в черном: в ее глубоких очах отражалась бездна безвременья.

И он понял, что это – смерть.

Она склонилась над сидящим, накрывала черным плащом. Повела в последний приют.

Шли они вдоль берега реки. У ног их катились свинцовые волны.

Как паруса, надувались их черные, ночные плащи под на-

пором северного ветра.

Так шли они вдоль речного берега на фоне золотого рас-
света.

С этого дня рыцарь пропал. Потом говорили про памятное
утро.

Этим утром видели скелета.

Он тащился к замку на заре, шурша омертвевшими ли-
стьями.

Он прижимал к ребрам скрипку, и визгливый танец смер-
ти, слетая со смычка, уносился в осеннюю даль.

Пролетали холодные облака. Облетала лесная заросль.

У серебряного ручейка отдыхал сутулый колосс. Он си-
дел, подперев рукой громадную голову. Горевал о годах...
минувших...

Он был одинок в этом мире. Ведь он был только сказкой.

Глубоко вздыхал сутулый гигант, подперев рукой громад-
ную голову...

...Холодная струйка ручья прожурчала: «безвременье...»

Над водой показалась беспечная головка речной жительни-
цы...

...Она плескала и плавала... Удивленно улыбалась. И сме-
ялась звонко, звонко... Уплывала вдоль по течению...

И сутулый гигант горько покачал старинной головой. И

долго сидел в задумчивости...

Потом он стал бродить над лесными вершинами, одинокий, непонятный...

Было тихо...

...Холодная струйка... прожурчала: «безвременье...»

Вечно юная, она сидела на троне. Кругом стояли седые рыцари, испытанные слуги.

Вдруг заходящее солнце ворвалось золотой струей. И грудь повелительницы, усыпанная камнями, вспыхнула огоньками.

С открытой террасы влетела странная птица. Белая, белая. И с мечтательным криком прижалась к ее сверкающей груди.

И все вздрогнули от неожиданности: в ясном взоре птицы белой трепетали зарницы откровений. И королева сказала: «Она зовет меня за собой... Я оставлю вас для Вечности!»

Так сказав, она тихо протянула руку к самому старому рыцарю, закованному в броню, и слезы, как жемчуг, катились по старым щекам его.

Опираясь на эту руку, она сошла с трона и, сходя, послала воздушный поцелуй опечаленным рыцарям.

Она вышла на террасу. Смотрела на белую птицу, указывающую ей путь. Медленно скользила вперед, поддерживаемая ветерком.

Она смеялась и шептала: «Я знаю».

Опечаленные рыцари стояли в зале, опершись на мечи, склонив пернатые головы... И говорили: «Неужели должны повториться дни былых ужасов!..»

Но тут вспыхнул пустой трон белым сиянием, и они с восторгом глядели на сияющий трон, улыбаясь сквозь слезы заревыми лицами, а самый старый воскликнул: «Это память о ней!»

«Вечно она будет с нами!..»

* * *

Была золотая палата. Вдоль стен были троны, а на тропах – северные короли в пурпуровых мантиях и золотых коронах.

Неподвижно сидели на тронах – седые, длиннородые, насупив косматые брови, скрестив оголенные руки.

Между ними был один, чья мантия была всех кровавей, чья борода всех длинней...

Перед каждым горел светильник.

И была весенняя ночь. И луна глядела в окно...

* * *

И вышли покорные слуги. На серебряных блюдах несли чаши с пьяным вином. Подносили пьяное вино северным королям.

И каждый король, поднимаясь с тяжелого трона, брал оголенными руками увесистую чашу, говорил глухим, отрывистым голосом: «Слава почившей королевне!..»

Выпивал кровавое вино.

И после других поднялся последний король, чья мантия была всех кровавей, чья борода всех белей.

Он глядел в окно, а в окне тонула красная луна между сосен. Разливался бледный рассвет.

Он запел грубым голосом, воспевая жизнь почившей королевы...

Он пел: «Пропадает звездный свет. Легче грусть.

«О, рассвет!

«Пусть сверкает утро дней бездной огней перламутра!

«О, рассвет!.. Тает мгла!..

«Вот была и нет ее... Но знают все о ней.

«Над ней нежно-звездный свет святых!»

И подхватывали: «Да пылает утро дней бездной огней перламутре-...

– вых»...

Так шумел хор северных королей.

И пока бледнела ночь, бледнели и гасли светильники, а короли расплывались туманом.

Это были почившие короли, угасавшие с ночью.

Дольше всех не расплывался один, чья мантия была всех кровавей, чья борода всех длинней...

* * *

Бледным утром на горизонте разливались влажные, желтые краски. Горизонт бывал завален синими глыбами.

Громоздили глыбу на глыбу. Выводили узоры и строили дворцы.

Громыхали огненные зигзаги в синих тучах.

Бледным утром хаживал среди туч великан Риза.

Молчаливый Риза опрокидывал синие глыбы и шагал по колено в тучах.

В час туманного рассвета сиживал у горизонта на туче, подперев безбородое лицо.

Беззвучно смеялся Риза каменным лицом, устремляя вдаль стеклянные очи.

Взметывал плащ свой в небеса и пускал его по ветру.

Задвигался синими тучами. Пропадал, сожженный солнцем...

Четвертая часть

Справа и слева были синие, озерные пространства, подернутые белым туманом.

И среди этих пространств подымались сонные волны, и на сонных волнах качались белоснежные цветы забвения.

Знакомые лотосы качались над водой, и над озерной глубию неслись странные планетные крики.

То кричали незнакомые птицы, прильнув белой грудью к голубым волнам.

На островках и близ островков отдыхали в белых одеждах и с распущенными волосами, словно застывшие. С чуть видимым приветом кивали тревожным птицам. Встречали прилетающих братьев в последней обители.

А на ясном горизонте высился огромный сфинкс. Подъжав лапы, ревел последний гимн бреду и темноте.

Белые мужчины и женщины следили истомленными очами, как проваливался последний кошмар. Сидели успокоенные, прощаясь с ненастьем.

Неслись глубокие звуки и казались песнью звездных снов и забытья: это лотосы плескались в мутной влаге.

И когда рассеялись последние остатки дыма и темноты, на горизонте встал знакомый и чуть-чуть грустный облик в

мантии из снежного тумана и в венке из белых роз.

Он ходил по горизонту меж лотосов. Останавливался, наклонив к озерной глубине прекрасный профиль, озаренный чуть видимым, зеленоватым нимбом.

Ронял розу в озерную глубину, утешая затонувшего брата.

Поднимал голову. Улыбался знакомой улыбкой... Чуть-чуть грустной...

И снова шел вдоль горизонта. И все знали, кто бродит по стране своей.

Тянулись и стояли облачка. Адам с Евой шли по колену в воде вдоль отмели. На них раздувались ветхозаветные вретиса.

Адам вел за руку тысячелетнюю морщинистую Еву. Ее волосы, белые, как смерть, падали на сухие плечи.

Шли в знакомые, утраченные страны. Озирались с восторгом и смеялись блаженным старческим смехом. Вспоминали забытые места.

На отмелях ходили красные фламинго, и на горизонте еще можно было различить его далекий силуэт.

Здесь обитало счастье, юное, как первый снег, легкое, как сон волны.

Белое.

В голубых небесах пропадали ужасы.

Иногда на горизонте теплилось стыдливое порозовение,

как благая весть о лучших днях.

Здесь и там на своих длинных, тонких ногах дремали птицы – мечтали. Иногда мечтатели расправляли легкие крылья и, сорвавшись, возносились.

Резкими, сонными криками оглашали окрестность.

И там... в вышине... сложив свои длинные крылья, неслись обратно в холодную бездну забвения.

И от этих сонных взлетов и сонных падений стояли еле слышные вздохи...

Ах!.. Здесь позабыли о труде и неволе! Ни о чем не говорили. Позабыли все и все знали!

Веселились. Не танцевали, а взлетывали в изящных, междупланетных аккордах. Смеялись блаженным, водяным смехом.

А когда уставали – застывали.

Застывали в целомудренном экстазе, уходя в сонное счастье холодно-синих волн.

По колено в воде шла новоприобщенная святая.

Она шла вдоль отмелей, по колено в воде, туда... в неизведанную озерную ширь.

Из озерной глубины, где-то сбоку, вытягивалось застывшее от грусти лицо друга и смотрело на нее удивленными очами.

Это была голова рыцаря, утонувшего в бездне безвре-

нья... Но еще час встречи не наступил.

И спасенный друг чуть грустил, бледным лицом своим опрокидываясь в волны, и его спокойный профиль утонул среди белых цветов забвения.

Кругом и везде было синее, озерное плесканье.

Был только один маленький островок, блаженный и поросший росистой осокой.

На востоке была свободная чистота и стыдливое порозовение. Там мигала звезда. Отражалась в волнах и трепетала от робости.

Это была Вечерница.

С севера неся свежий ветерок.

А вдоль западного горизонта пропадали пятна мути. Тянулись и стояли кудрявые облачка. Это были сонные тайны.

И плыла тайна за тайной вдоль туманного запада.

Она сидела на островке в белом, белом и смотрела вдаль.

Она пришла сюда из земных стран... И ей еще предстояли радости.

И вот сидела она, усталая и спокойная, после дня скитаний.

Над ней кружились две птицы. Две птицы – два мечтателя.

И день проходил. Сонная, она опустила голову в осоку; и окапала осока ее голову слезами. Спала.

Сквозь сон она следила за двумя странными птицами.

Они ходили близ островка по отмели. Вели речь о белых тайнах.

А потом уже началось первое чудо этих стран.

Сквозь сон она подсмотрела, как ходил вдоль песчаной отмели старичок, колотя в небесную колотушку.

Это был ночной сторож.

Он ходил близ границ сонного царства. Перекликался с ночными сторожами – старичками.

Утром она проснулась. На востоке теплилось стыдливое порозовение.

Там блистала Денница-Утренница.

А вдоль отмели брел ветхий старичок в белой мантии.

В одной руке он держал большой ключ, а другой добродушно грозил молодой праведнице.

Согбенный и счастливый, он пожимал ее холодные руки. Задумчивым голосом выкрикивал сонные диковинки.

Шутливо кричал, что у них все – дети, братья и сестры.

Говорил, что еще не здесь последняя обитель. Советовал сестрице держать путь на северо-восток.

Поздравлял старый ключарь сестру свою со святостью. Перечислял по пальцам дни благодати.

Объявлял, что у них нет именинников, а только благодатники.

Глазами указывал на забытые места.

Еще многое открыл бы ей старый шутник, но он оборвал свою ласковую речь. Побрел торопливыми шагами вдоль отмели, торопясь исполнить поручение.

А она пошла на северо-восток.

И там, где прежде стояла она, уже никого не было. Был только маленький, блаженный островок, поросший осокой.

А кругом и везде было синее, озерное плесканье.

Волны набегали на блаженный островок. Уходили обратно в синее пространство.

Сидели две белые птицы и наперерыв высвистывали случившееся. Это были мечтатели.

Вот они полетели на туманный запад.

В этой стране были блаженные, камышовые заросли; их разрезывали каналы, изумрудно-зеркальные.

Иногда волна с пенным гребнем забегала сюда из необъятных водных пространств.

В камышовых зарослях жили камышовые блаженные, не заботясь о горе, ожидая еще лучшей жизни.

Иногда они преображались и светились светом серебристым. Но они мечтали о вознесении.

Тут она бродила, раздвигая стебли зыбких камышей, а по ту сторону канала над камышами бывал матово-желтый закат.

Закат над камышами!

Иногда ей попадался молодой отшельник, сонный, грустно-камышовый, в мантии из снежного тумана и в венке из белых роз.

Его глаза были сини, а борода и длинные кудри – русы.

Иногда он смотрел ей в глаза, и ей казалось, что за грустной думой его пряталась улыбка.

Смотря на нее, он веселился знанием, а его мантия казалась матово-желтой от зари...

Тогда бездомный туман блуждал по окрестностям.

Иногда в глубине канала выходил из вод кто-то белый, белый, словно утопленник из бездны безвременья.

И она привыкла видеть утопленника, выходящего посидеть на вечерней заре.

Однажды сказал ей камышовый отшельник: «Видишь сидящего на вечерней заре, выходящего из бездны безвременья, потопленного до времени?»

«Вышел срок его потопления... И для него не станет; прежнего, если ты подойдешь к нему...»

И она пошла к сидящему в сонном забытьи и узнала в нем своего друга.

Их глубокие взоры встретились. Они тихо рассмеялись неожиданной встрече.

Улыбались друг другу, белые дети, грустно задумчивые.

К ним пришел камышовый отшельник в мантии из снежного тумана и в венке из белых роз. Сказал о великой тайне, что несется на них.

Он оборвал свою речь глубоким вздохом, сказав про себя. «Белые дети».

И долго стоял в задумчивости.

Из кустов взвилась птица-мечтатель. С пронзительным криком улетела в розовую даль.

И день проходил. Легкая вода, нежно пенясь, разбивалась о зеленый берег.

Здесь они сидели и смотрели на зарю. Снежно-розовая пена омывала их ноги.

На той стороне залива росли высокие камыши. Они смотрели на солнце, еще видное сквозь стебли зыбких камышей.

Оттуда неслась старческая песенка.

Среди камышей сидел, заседал святой простачок Ава с блаженным морщинистым лицом.

Добрый Авушка закидывал длинные удочки, ловя водяную благодать.

Хилым голоском славил камышовую страну.

Засмеялись они громко. Их увидел простачок. Захихикал, пригрозив им тонким старым пальцем.

И уже вечерняя зорька погасила свои огоньки, и бездом-

ный туман стал блуждать по окрестностям.

Сложил свои удочки добрый Авушка. Собрался на покой. Положил на плечи тонкие удочки. В руки взял деревянное ведро и побрел к себе.

Уже не слышалось его пение, и большой красный месяц выплывал из-за тумана.

Они молчали.

Бездомный туман блуждал по окрестностям.

Камышовые обитатели ходили в сад на берегу озера. Здесь росла осока, лилии и нарциссы.

Слышались междупланетные вздохи о кольце Сатурна и о вечно сияющем Сириусе.

А вдали были заросли касатиков. На вечерней заре Сам Господь Бог, весь окутанный туманом, бродил вдоль зарослей и качал синим касатиком.

Тогда бывал туман... словно кто стлал душистые испарения. Казалось, над самым ухом пели междупланетную песню о кольце Сатурна и вечно радостном Сириусе.

Как часто они сидели на берегу, впиваясь взором в глубь сапфирной сини.

Налетал ветерок. Зажмуривались от проплывающей свежести. Утешались белым вздохом тростника. Восхищались.

Тростниковая страна пела и склонялась под напором сильного ветра...

...Кто-то махал им синим касатиком...

В камышовых зарослях окончилась служба. Дымное облако вознеслось оттуда в небеса.

В ту пору из-за деревьев вышла наставница этих мест, Ия. Она подошла к гулявшим, наставляла по-здешнему, по-сонному.

И когда сообщили они ей о своем белом счастье, она сказала: «Это ли счастье?»

Замолчала и смотрела вдаль.

В тот час кончался день и еще ближе раздавалась песнь любви и соединенных созвездий.

Вдоль матово-желтого горизонта пошли дымно-синие громады.

Громоздили громаду на громаду. Выводили узоры и строили дворцы.

Громыхали огненные зигзаги в синих тучах.

И тогда они увидели в просветах туч кучку исполинов. Безмолвно, величественно исполины шагали, туманные, дымно-синие, в заревых, сверкающих венцах.

Безмолвно воздевали огромные руки. Молили покоя и снисхождения.

Бездомные шатуны – одиноко блуждали они тысячелетия

вдоль бедной, вдоль северной земли.

Наконец, они ушли из мира непонятыми. Ведь они были только сказкой!

И вот безмолвно и величественно шагали бездомные ша-туны – туманные, дымно-синие, в заревых, сверкающих вен-цах.

Было тихо. Кое-где помигивала звездочка.

Наконец Ия сказала: «Это все старики великаны.

«Они смирились. Идут к Богу просить покоя и снисхож-дения.

«Еще давно великан поднял перед Господом свое гордое, бледно-каменное лицо, увенчанное зарей.

«Еще давно они все поднимали тучи и воздвигали гро-мады. Громоздили громаду на громаду. Выводили узоры и строили дворцы.

«Но все пали под тяжестью громад, а туманные башни ти-хо таяли на вечернем небе.

«И суждено им было шагать долгие годы среди синих туч – обломков былого величия...

«Это все старики великаны... Они смирились и вот идут к Богу просить покоя и снисхождения...»

Так она говорила, и они смотрели на синие купола, а меж-ду синими куполами мелькали безбородые, бледно-камен-ные лица, увенчанные зарей.

Это все старики великаны безмолвной толпой шли к Богу молить покоя и снисхождения.

И то заволакивали их низкие грозовые тучи.

То снова появлялись их дымно-синие силуэты, озаренные вспышками зарниц.

Так она говорила. Растаяли тучи. Прошли великаны. Было тихо.

Подул ветерок. Вдоль всей страны протянулась тень неизвестного колосса.

Гордо и свободно стоял неведомый колосс в заревом, сверкающем венце.

Это был самый грозный, самый великий колосс.

Еще в стародавние времена он подымал комки синих туч, мерцающих серебряными громами.

Он напрягал свои мускулы и пускал гремучие комки синих туч в вечернее небо. Он метал тучами в небо, как камнями.

Но надорвался и пал, раздавленный тучами.

С тех пор он ушел от людей. Они забыли его, и он стал для них сказкой.

Это он хотел забыться и уснуть вечным сном. Уходил из мира непонятым.

Он шел прямо к Богу, но задумался на пути.

И его ноги занес туман, и высилась лишь венчанная голова его, озаренная розовым блеском.

Так стоял одинокий колосс вдали, окутанный вечеряющим сумраком.

Погас закат.

Бездомный туман блуждал по окрестностям.

Тогда Ия шепнула: «Это ли счастье!

«Оно придет с зарею после ночи. Оно будет неожиданно.

«Уже прошли старики великаны к своему Богу.

«Уже среди нас бродит Он, как блуждающий огонек...

«Настанет день нашего вознесения...

«И меркнет счастье сумерек пред новым, третьим счастьем, счастьем Духа-Утешителя...»

На белых гребнях показался багрец. Над озером вставал месяц.

Длилась ночь. Все втроем они стояли на берегу, защищаясь руками от лунного света.

Впереди было много воды, а над водой луны; им казалось, что умерли страхи.

Птица-мечтатель тонула в озерных далях, погружаясь в сон.

И еще раз сказала Ия: «Это ли счастье!..» И бездомный туман стал редеть.

В полночь все стало ясно и отчетливо. Они слышали — что-то совершилось в касатиковых зарослях. Отводили гла-

за в сторону.

Блистал далекий Сатурн. Смотрели на небо. Ожидали новой звезды.

По отмели шел старичок в белой мантии и с ключом в руке. Луна озаряла его лысину. С ним был незнакомец.

Оба были в длинных ризах, повитые бледным блеском. Оживленно болтали. Кивали на восток.

Крикнула Ия им: «Лунная ночь!» А старичок захохотал, потрясая ключом своим...

«Это что, – кричал он в восторге, – а вот что будет утром!

«Все ваши звезды с Сириусом и Луной не стоят одной Утреннички...»

Так сказав, он оборвал свою ласковую речь и побежал вдаль, торопясь исполнить поручение.

С ними остался незнакомец. Святым голосом он закричал, что близится время.

Что это – их последняя ночка; что на заре он разбудит их, чтобы указать на Явленного.

Что вот – будет, будет – и объявится, и все полетят...

Это был мощный старец с орлиным взглядом, а Ия шептала: «Слушайте его. Он первый в этих тайнах. Много диковинок он знает. Еще он увидит нас».

Глубоко потрясенные, они следили взглядом, как удалялся странный старец, повитый бледным блеском.

Утром все посерело. Тонул красный месяц. И осталась Ия одна на берегу.

Обернулась белой чайкой Ия, наставница, и, крича, унеслась в сапфировую синь.

Тонул красный месяц.

Они пришли в свое камышовое жилище. Замечтались в сонной сказке. Это была последняя ночь.

Они видели сон... Кто-то белый, в мантии из снежного тумана, гулял вдоль озерных пространств, роняя в озерную глубину свои тающие улыбки, чуть-чуть грустные.

Над его головой сверкал зеленоватый нимб. Они узнали в Нем своего камышового отшельника.

И он говорил им невыразимым голосом: «Белые дети!

«Белые дети, вознесемся в свободной радости с утренним ветерком!...»

И сквозь сон слышали они птичий свист: то на отмелях сидели птицы-мечтатели и наперерыв высвистывали случившееся.

Он им шептал: «Белые дети!...» И его голос грустно дрожал.

«Белые дети... Мы не умрем, но изменимся вскоре, во мгновение ока, лишь только взойдет солнце.

«Уже заря...

«Белые дети!..»

И они очнулись... И увидели, что сон их не сон, потому что Он стоял, раздвигая стебли камышей, и шептал им все то, что они видели во сне...

А уж вдали слышался голос странного старца, призывающего всех к белой радости...

Ударил серебряный колокол.

На озере, там, где косматый утес оброс соснами, жил старик.

Он пробудился на заре. Сонный взошел на вершину. Ударил в серебряный колокол.

Это был знак того, что с востока уже блеснула звезда Утренница.

Денница...

Ударил серебряный колокол.

Москва

26 сентября 1901 г.